

УДК 811.161: 81'255.4

О.И. ПРИЙМАЧОК,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки (г. Луцк)*

СЛОЖНЫЕ СЛОВА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК)

В статье описаны лексемы со сложной словообразовательной структурой (компози́ты), употреблённые А.С. Пушкиным в его романе в стихах «Евгений Онегин», с точки зрения их перевода на украинский язык, осуществлённого М.Ф. Рыльским. Проанализированы основные способы и приёмы перевода данных слов, выделены типичные и оригинальные техники перевода. На многочисленных примерах продемонстрировано настоящее мастерство Рыльского-переводчика.

Ключевые слова: перевод, славянские языки, сложные слова (компози́ты).

Одно из самых перспективных и востребованных филологических направлений – переводоведение – занимается проблемами перевода как специфического вида межкультурной и межъязыковой коммуникации. Интенсивное развитие переводческой деятельности и необходимость её постоянного совершенствования требуют всесторонней разработки и научного обоснования её теории и практики, что обусловило **актуальность** исследований в данной области. Главное в переводе – посредством другого языка целостно и точно передать содержание и форму подлинника, сохранить его экспрессивно-стилистические признаки. Любой перевод (а художественный особенно) – это сложный творческий процесс, в ходе которого переводчик проникает во все тонкости содержания оригинала и создаёт совершенно новый текст на другом языке.

Даже отличное владение многими языками не гарантирует успешного перевода, поскольку переводчик обязан ещё знать определённые пути, ту технику, которая даст возможность осуществить переход от одного языка к другому. Настоящий переводчик должен предвидеть трудности, возникающие в процессе такой работы (различие в системе понятий разных языков, многозначность языковых знаков и т. п.). В близкородственных языках (славянских, например) количество таких расхождений значительно меньше, однако в этом случае переводчика могут подстерегать трудности иного характера. Украинские теоретики и практики взаимопереводов с языков близкого родства (М. Рыльский, Ф. Небрючок, О. Кундзич, С. Ковганюк, В. Коптилов и др.) настаивают на том, что искусство перевода с близкого языка особенное, оно очень отличается от перевода с языка неродственного: «Уже давно указывали на ошибочность мысли, будто переводить с близких языков легче, чем с далёких. Перевод на украинский язык, скажем, с русского или с белорусского представляет собой специфические трудности, которые не всегда легко одолеть. Он таит в себе много опасностей» [3, с. 84]. Трудности перевода обусловлены, с одной стороны, общим происхождением всех славянских языков, а с другой – их национальной самобытностью, довольно давним размежеванием и длительным самостоятельным функционированием, образованием оригинальных литературных норм, стилей и форм. Действительно, на первый взгляд, определённая языковая, ментальная, историческая, культурная, политиче-

ская и даже географическая близость славян должна значительно облегчать процесс перевода. Однако исследователи подчёркивают, что «различные формы близости между восточнославянскими народами носят не абсолютный, а относительный характер. Причём все они имеют конкретно-историческую обусловленность, то есть в разное время проявляются с разной интенсивностью» [2, с. 35]. Игнорирование национально-языковых особенностей в художественном переводе может привести к значительным утратам: к искривлению смысла, изменению идейно-художественной концепции произведения, утрате стилистической доминанты.

Трудности в переводах с близкородственных языков могут возникать на разных уровнях, однако самые заметные касаются лексики, ведь именно она в первую очередь формирует языковую картину мира. Любой естественный язык – это прежде всего язык слов, и первостепенной задачей переводчика становится подбор нужного лексического эквивалента. Поэтому проникновение в творческую лабораторию такого классика украинской переводческой школы, как М. Рыльский, становится одним из важнейших путей формирования мастерства переводчика. Цель данной статьи – охарактеризовать основные приёмы и способы передачи сложных слов романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в его лучшем украинском переводе, осуществлённом М. Рыльским [1].

В славянских языках все слова делятся на словообразовательно мотивированные (производные) и немотивированные (непроизводные). Словообразовательно мотивированные – это такие слова, значение и звучание которых обусловлены другими однокоренными словами. Сложения, сращения и аббревиатуры имеют сложную (комплексную) мотивирующую часть. Любая классификация способов морфологического словообразования основывается на противопоставлении слов простых (имеющих в своём составе один корень) и сложных (имеющих два или более корней). Особенность сложных слов (композитивов и юкстапозитов, различие которых, впрочем, не всегда последовательно) состоит в том, что им свойственен как свой внутренний синтаксис, специфический порядок размещения элементов, так и внешний синтаксис, то есть соотнесённость с эквивалентными синтаксическими конструкциями. Такая внутренняя и внешняя словообразовательная мотивация делает композиты чрезвычайно привлекательным объектом как для синхронного и диахронного словообразования, так и для изучения их типологических связей при сопоставительном изучении родственных языков, что, в свою очередь, имеет прямой выход на проблематику перевода.

Описание конкретных способов перевода пушкинских композитов на украинский язык стоит начать, пожалуй, с самых простых случаев, когда М. Рыльский использует имеющийся в украинском языке полный эквивалент (и в семантическом, и в словообразовательном, и в грамматическом отношении). Например: ...Прими собранье пёстрых глав... **Простонародных**, идеальных, небрежный плод моих забав. – Та що ж – лиш кілька глав пістрявих тобі в дарунок я зібрав... Напівсмішних, напівпечальних, **простонародних**, ідеальних... [1, с. 5]; И **рогоносец** величавый, всегда довольный сам собой, своим обедом и женой. – І **рогоносець** величавий, що шанував, як то і слід, себе, жону і свій обід [1, с. 10]; ...И раб судьбу **благословил**. – І раб життя **благословив** [1, с. 32]; То был приятный, **благородный**, короткий вызов, иль картель. – То був приємний, **благородний**, короткий виклик, чи картель [1, с. 110]; Как он язвительно **злословил!** – Як він отруйно **лихословив!** [1, с. 10]; Кому не скучно **лицемерить**, различно повторять одно... – Кому не нудно **лицемірити**, казати по-різному одно... [1, с. 16]; Впервые именем таким страницы нежные романа мы **своеволь-но** освятим. – У перший раз таке ім'я на ніжні сторінки роману **свавільно** запроваджу я [1, с. 39]; Порой беглянки **черноокой** младой и свежий поцелуй... – А часом личко **чорнооке** і поцілунок молодий... [1, с. 82]; И с **легковерным** ослепленьем опять любовник молодой бежал за милой суетой. – І в заслiпінні **легковірнім** коханець знов марнує дні [1, с. 56]; Мой брат **двоюродный**, Буянов... – Мій брат **двоюрідний**, Буянов... [1, с. 98]; **Однообразный** и безумный... кружится вальса вихорь шумный... – **Одноманітний** і безумний... кружляє вальсу вихор шумний [1, с. 102]; Он из Германии туманной привёз учёности плоды: **вольнoлю-бивые** мечты... – Він у Німеччині туманній засвоїв, ученик палкий, і дух, тривожний та чудний, і **волелюбні** поривання [1, с. 155]; Кто б смел искать девчонки нежной в сей величавой, в сей небрежной **законодательнице** зал? – Хто б упізнав дівчатко миле у гордій цій,

свідомій сили **законодавиці** балів? [1, с. 157]; Родне, прибившей издалеча, повсюду ласкова зустріча, и восклицанья, и **хлеб-соль** – Куди лиш повіз їх прибуде – ласкаві зустрічі усюди, **хліб-сіть**, розмова гомінка [1, с. 140]; Смеркалось; на столе, блистая, шипел вечерний **самовар** – Смеркало; **самовар** вечірній шипів дрімотним голоском [1, с. 64]; Уж расходились **хороводы**... – Уже замовкли **хороводи**... [1, с. 130]. В двух последних случаях М. Рильский воспользовался калькированными эквивалентами русских слов-реалий.

Иногда, подбирая сложный эквивалент, переводчик производит некую замену (либо грамматическую, либо словообразовательную) с полным сохранением семантики. Например: Татьяна верила преданьям **простонародной** старины... – Татьяна вірила не жартом усім **простолюду** казкам [1, с. 90]; Не в первый раз он тут явил души прямое **благородство**... – Не вперше тут він проявив дух **благородний** і правдивий... [1, с. 74]; Он рыться не имел охоты в **хронологической** пыли... – Копатись він не мав охоти у **хронології** тяжкій... [1, с. 8]; В благом пылу **нравоученья** читал когда-то наставленья... – Обравши путь **добролюбиву**, читав він проповідь зичливу... [1, с. 153]; Он в том покое поселился, где деревенский **старожил** лет сорок с ключницей бранился, в окно смотрел и мух давил. – Він у кімнаті оселився, де **старожилець** тих країв весь вік з ключаркою сварився, дививсь у вікна й мух чавив [1, с. 31].

Довольно редко М. Рильскому приходится отказываться от имеющегося в украинском языке эквивалентного композита, например: Как рано мог он **лицемерить**... – Як рано міг він **хитрувати**... [1, с. 10]; Как томно был он молчалив, как пламенно **красноречив**... – Як він томливо німував, як пломенисто **промовляв**... [там же]; Хотя людей **недоброхотство** в нём не щадило ничего... – Хоча ніколи люд **злостивий** не визнавав у нім того [1, с. 74]; Кокетка судит **хладнокровно**, Татьяна любит не шутя... – Кокетка **холодно** міркує, Татьяна любить, як дитя... [1, с. 57].

Далеко не всегда в лексиконе украинского языка русскому композиту соответствует такой же сложный (в словообразовательном отношении) эквивалент. Тогда переводчик использует эквивалент семантический. Например: Прими ж мои **благодаренья**, поклонник мирных аонид... – Прийми ж мою **подяку** щиру, прихильче мирних аонід... [1, с. 47]; Когда прибежем мы под знамя **благоразумной** тишины... – Коли ми станем під знамена **розсудливої** тишини... [1, с. 37]; ...Чья **благосклонная** рука потреплет лавры старика! – Чия **незаздрісна** рука потріпа лаври старика! [1, с. 47]; Дыханьем ночи **благосклонной** безмолвно упивались мы! – Диханням ночі **голубивим** німотно упивались ми [1, с. 25]; Перед Онегиным собрался **заимодавцев** жадный полк. – Перед Онегіним зібрався неситих **кредиторів** рій [1, с. 26]; И свод элегий **драгоценный** представит некогда тебе всю повесть о твоей судьбе. – І знай: елегій том **коштовний** колись тобі твій власний шлях покаже в запальних рядках [1, с. 80]; И вы, читатель **благосклонный**, в своей коляске выписной оставьте град неугомонный... – І ви, читачу мій **ласкавий**, в своїй колясці виписній покиньте місто і забави... [1, с. 126]; Вняв пенью **сладкозвучных** строф, они слетают с берегов. – Почувши **гармонійний** спів, вони злітають з берегів [1, с. 81]; Осталася во тьме морозной младая дева с ним **сам-друг**. – Сама у темряві студеній Татьяна зосталася з ним [1, с. 96]; **Благодарю** за наслажденья, за грусть, за милье мученья... – **Спасибі** за хвилини щасні, за сум, за пориви прекрасні [1, с. 122]; Согретый вдохновенья богом, другой поэт роскошным слогом **живописал** нам первый снег – Натхненням божеським зігрійтий, поет найшовся знаменитий, що пишно і принадно зміг **намалювати** перший сніг [1, с. 89]; Несносно (согласитесь в том) между людей **благоразумных** прослыть притворным чудачком – Нестерпно (річ така ясна) серед **розсудливого** люду придбати славу дивака [1, с. 150]; И **путешествия** ему, как всё на свете, надоели – І **мандри** стали вже немилі [1, с. 151]; Ты в **сновиденьях** мне являлся... – У **снах** мені ти привиджався... [1, с. 62]; ...им расточены порой тяжёлые услуги **гостеприимной** старины. – ...розіслав для них закон **гостинності** готовий рад послуг, іноді й тяжких [1, с. 49]; Была бы верная супруга и **добродетельная** мать. – І стала б дітям **добра** мати, і вірна мужеві жона [1, с. 60].

При передаче сложных слов, внутренняя форма которых весьма прозрачна, переводчик может воспользоваться приёмом калькирования. Для поэта-неоклассика М. Рильского словотворчество было очень характерной чертой его стиля, поэтому образование новых слов по моделям имеющихся в «Евгении Онегине» композитов достаточно частотно у

Рыльского-переводчика. Например: Руссо (замечу мимоходом) не мог понять, как важный Гримм смел чистить ногти перед ним, **красноречивым** сумасбродом. – Руссо (на память він прийшов нам) гнівився, що поважний Грім смів чистити нігті перед ним, химерником **прекрасномовним** [1, с. 16]; ...мой бедный слог пестреть гораздо б меньше мог **иноплеменными** словами. – ...склад моїх пісень і книг рябіть не так би густо міг **иноплеменными** словами [1, с. 17]; И детям прочили венцы **друзья-соседи**, их отцы. – І провіщали їм вінки **сусіди-друзі**, їх батьки [1, с. 38]; Пред ними уж **белокаменной** Москвы, как жар, крестами золотыми горят старинные главы. – Перед ними **білокамінної** Москви, як жар, хрестами золотими старі поблискують церкви [1, с. 138]; **Траги-нервических** явлений девичьих обмороков, слёз давно терпеть не мог Евгений. – Всіх явищ **трагіко-нервічних**, зомлінь дівочих та плачів... [1, с. 100]; Напрасно ждал Наполеон, последним счастьем упоенный, Москвы **коленипреклоненной** с ключами старого Кремля. – Даремно ждав Наполеон, сп'янілий від бряжчання криці, **коліноклонної** столиці з ключами древнього Кремля [1, с. 138]; В избе холодной **высокопарный**, но голодный для виду преискурант висит... – У хаті, завжди холодній, **високомовний**, та голодний на показ преискурант висить... [1, с. 137]; Свою доверчивую совесть он **простодушно** обнажал. – Свою **простосердечну** совість поет одверто викривав [1, с. 38]; Он иногда читает Оле **нравоучительный** роман... – Читав він Ользі вчорами **доброполучливий** роман... [1, с. 77]; Она меж делом и досугом открыла тайну, как супругом **самодержавно** управляет... – Спізнала досвідом великим, як воно взять над чоловіком та **самовладно** управляет... [1, с. 43]; ...Что от небес одарена... умом и волею живой, и **своенравной** головой. – Що **своєвільна** голова її **всякчасно** порива [1, с. 56]; ...Читающий мечты свои красавице **приятно-томной!** – Читає ніжний утвір свій красуні **чарівливо-томній** [1, с. 81]. Поскольку процент авторских окказиональных калек, как видим, достаточно велик, это даже может стать предметом отдельного лингвистического анализа.

Ещё одним очень интересным техническим приёмом перевода является так называемая экспликация, которая передаёт значение слова описательно. Например: Руссо (замечу **мимоходом**) не мог понять... – Руссо (**на память він прийшов нам**) гнівився... [1, с. 16]; Проснётся за полдень, и снова до утра жизнь его готова, **однообразна** и пестра. – Опівдні встане, і готову дорогу починає знову, і днів пістрява маячня **та сама** й завтра, і щодня [1, с. 21]; Служив отлично, **благородно**, долгами жил его отец... – Служивши чесно, **без пороку**, з боргів покійник батько жив... [1, с. 7]; Кругла, красна лицом она, как эта глупая луна на этом глупом **небосклоне**. – Червоний вид її – немов дурний цей місяць, що зійшов на цім дурнім **небеснім лоні!** [1, с. 50]; Сюда, назло **правописанью**, стихи без меры, по преданью в знак дружбы верной внесены... – Сюди, на зло **шкільній науці**, з поправним віршем у розлуді... [1, с. 78]; Его **вседневные** занятия я вам подробно опишу. – Я вам докладно, як годиться, **весь день** його тут опишу [1, с. 81]; Больной и ласки и веселье Татьяну трогают; но ей нехорошо на **новоселье**, привыкшей к горнице своей. – Татьяні серце зворушила ласкавість хорої; та їй **нова домівка** все ж немила, самотній мрійниці сільській [1, с. 140]; Ужели с ним сейчас была так **равнодушна**, так смела? – Невже вона була це з ним, **спокоєм дивна** чарівним? [1, с. 153]; Ужели не простите ей вы **легкомыслия** страстей? – Невже не здатні ви простити **душі, що юністю кипить?** [1, с. 56]; И **путешественник** залетный... – **Чужих країв** нахабний птах... [1, с. 156].

Наряду с экспликацией может быть использована синонимическая замена композита простым по составу словом, например: Татьяна **любопытным** взором на воск потопленный глядит... – Татьяна стежить **пильным** зором за воском жовтим у воді... [1, с. 91]; Веселья зритель **равнодушный**, безмолвно буду я зевать и о былом вспоминать? – І, глянувши, **сумний** поет безмовно буде позіхати та про минуле споминати? [1, с. 13]. Подобные синонимы являются скорее контекстуальными, но их употребление вполне уместно и оправданно.

Наконец, сопоставляя лексический состав оригинала и перевода, нельзя не заметить наличия у М. Рыльского достаточно большого количества сложных слов, которые либо становятся соответствиями простых слов подлинника, либо вообще появляются спонтанно как результат творческих поисков переводчика. Конечно, среди таких лексем есть и полные лексические русско-украинские эквиваленты, например: Довольно скучная пора: стоял **ноябрь** уж у двора – Нудна, безрадїсна пора: стояв **листопад** край двора [1, с. 82]; Как ты, божественный Омир, ты, тридцати **веков** кумир! – Як сам божественний Омїр, він тридця-

ти **століть** кумир! [1, с. 101]; **Невольно** ль, иль из доброй воли, но взор сей нежность изъявил... – Хто знає, **мимохить** чи з волі, та ніжність погляд той явив [там же].

Однако гораздо чаще переводчик использует композит, который элементами своего состава дублирует (по форме или по значению) слово или словосочетание в оригинале, например: Отягчены их **ветви** все клоками снега... – Звисає низько з **верховить** лапаций сніг... [1, с. 94]; Не разойтись ль **полюбовно**? – Як розійтись **миролюбно**? [1, с. 117]; Но, развлечён **пустым** мечтаньем, я занялся воспоминаньем о ножках мне знакомых дам. – Удавшись в **марнослів'я**, про дамські ніжки лиш зумів я припом'янути в тих рядках [1, с. 102]; На **красных лапках** гусь тяжёлый ступает бережно на лёд. – **Червонолап**, гусак дебелий, по лону вод пливти схотів [1, с. 83]; Подобно **ветреной** надежде, резва, беспечна, весела... – Немов надія **легкокрила**, рум'яна, жвава, чарівна... [1, с. 112]; Гадает старость **сквозь очки** у гробовой своей доски. – Старі при вході гробовім ворожать оком **півсліпим** [1, с. 91]; Уже рedeют **ночи тени**, и встречен Вesper петухом... – Уже в **напівімлі** студеній Аврору півень привітав [1, с. 116]; Всё это значило, друзья: с приятелем **стреляюсь** я. – Це значило, читачу мій: піду я з другом на **двобій** [1, с. 112]; ...Им расточены порой тяжёлые услуги гостеприимной **старинны**. – ... Відомий звичай **стародення**... [1, с. 49]; Я наслаждаюсь дуновеньем в лицо мне **веющей** весны... – Я упиваюся диханням **солодковійної** весни [1, с. 125]. Подобные случаи демонстрируют настоящей переводческий талант, который состоит не только в умении передавать тонкие смысловые оттенки, но и, опираясь на лексику близкородственных языков, подбирать или сочинять максимально схожие по форме и значению слова, чтобы полностью сохранить «дух» оригинала. В этом, собственно, и заключается специфика близкородственного перевода, о чём неоднократно говорил Рильский-критик.

Порой в переводном тексте появляются сложные слова по воле самого переводчика, который, намеренно отказываясь от имеющихся в украинском языке эквивалентов, использует для усиления образности слова-композицы (многие из них М. Рильский конструирует сам). Например: ...Узде послушный конь **ретивый**... – ...Слухняний кінь **дзвінкокопитий**... [1, с. 82]. Подобные случаи можно рассматривать как приём добавления не только слова, но и определенного смыслового наращения. Например: ...Небрежный плод моих забав, бессонниц, лёгких вдохновений, незрелых и увядших лет... – Недбалий плід моїх забав, хвилин натхнення **бистрольотних**, зів'ялих рано літ моїх... [1, с. 5]; Но ты, Бордо, подобен другу, который, в горе и в беде, товарищ всегда, везде готов нам оказать услугу. – А ти, Бордо, на друга схожий, що завжди, в горі і в біді, на **суходолі** і в воді порадю дасть і допоможе [1, с. 84]; Татьяна на широкий двор в открытом платице выходит... – В широкий двір, повз **частокіл** Татьяна в сукні лиш виходить... [1, с. 91]; И мягко усталанные горы зимы блистательным ковром. Всё ярко, всё бело кругом – І м'яко вистелені гори зими покрывом осяйним під небом **ясно-голубим** [1, с. 89].

Блестящее языковое чутьё переводчика такого уровня, как М. Рильский, подсказывало, что если в оригинальном фрагменте употреблены сложные слова, которым нет адекватной композитной замены, то они всё равно рано или поздно должны появиться в переводе. Этот приём можно назвать компенсацией. Вот интересный пример, когда композиты в оригинале и в переводе не соответствуют друг другу семантически, зато обеспечивают стилистическое единство фрагментов: Там Озеров невольны дани народных слёз, **рукоплесканий** с младой Семёновой делил... – Там Озеров хвалу народну і сліз данину **благодарную** з Семеновою поділяв... [1, с. 13]. В роли своеобразной компенсации выступают в переводе новообразования с приложениями, которые поглощают семантику нескольких слов оригинала, например: Вдруг увидя младой **двурогий** лик **луны** на небе с левой стороны, она дрожала и бледнела. – Ліворуч **місяць-молодик**, – вона, легкий стримавши крик, тремтить і з жаху полотніє [1, с. 90]; С утра дом Лариных **гостями** весь полон; целыми семьями **соседи** съехались в возках... – Ще зранку Ларіни стрічали **гостей-сусідів**... [1, с. 98]; Приятно дерзкой эпиграммой взбесит **оплошного врага**. – Приємно лезом епіграми **невдаху-ворога** дражнить... [1, с. 119].

Итак, в результате тщательного сопоставительного анализа оригинала – романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и его блестящего перевода на украинский язык, выполненного М.Ф. Рильским, можно сформулировать некоторые выводы, касающиеся употребления в них слов со сложной словообразовательной структурой. Переводчик использо-

вал самые разнообразные способы передачи композитов, привлекая лексические ресурсы украинского языка, а также создавал окказиональные неологизмы, не боясь при этом быть непонятым, ведь семантика сложного слова достаточно прозрачна. Техника перевода обладает определённым арсеналом приёмов для достижения адекватности на самых различных уровнях. Приведённый в статье огромный языковой материал и его классификация позволяют утверждать, что М. Рылский использовал около десятка различных технических приёмов, чтобы не просто перевести анализируемые лексемы (желательно, конечно, с сохранением их «внутренней формы»), но и уложить их в знаменитую онегинскую строфу. Для данного перевода характерны следующие приёмы: использование полного (как в семантическом, так и в словообразовательном отношении) эквивалента; варьирование полного композитного эквивалента (либо в деривационном, либо в грамматическом плане); использование семантического эквивалента, являющегося простым с точки зрения состава словом; калькирование словообразовательной структуры слова, вплоть до создания авторского неологизма; экспликация, при которой значение композита передаётся описательно в виде словосочетания; использование частичного эквивалента – простого контекстуального синонима; добавление переводного композита, полностью эквивалентного одному или нескольким простым словам подлинника; компенсация композита в ближайшем контексте. Статистический анализ указанных приёмов свидетельствует, что наиболее часто М. Рылский использует узувальные полные эквиваленты, частичные однокоренные эквиваленты и кальки.

Роман «Евгений Онегин» на украинском языке – это не только великий труд, но и настоящая школа для переводчиков, для обучения многогранному искусству перевода вообще и художественного перевода, в частности. Поэтому так важно изучать практические и теоретические тонкости поэтического перевода М. Рылского с тем же вниманием и уважением, с каким сам мастер относился к бессмертным пушкинским строкам.

Список использованной литературы

1. Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах: (На русском и украинском языках) / А.С. Пушкин. – К.: Днипро, 1974. – 192 с.
2. Рагойша В.П. Проблемы перевода с близкородственных языков / В.П. Рагойша. – Минск: Вышэйша школа, 1980. – 189 с.
3. Рылский М. Классики и современники / М. Рылский. – М.: Художественная литература, 1958. – 431 с.

У статті описано лексеми зі складною словотвірною структурою (композити), ужиті О. Пушкіним в його романі у віршах «Евгеній Онегін», з точки зору їх перекладу українською мовою, здійсненого М. Рильським. Проаналізовано основні способи та прийоми перекладу цих слів, виділено типові та оригінальні техніки перекладу. На численних прикладах продемонстровано справжню майстерність Рильського-перекладача.

Ключові слова: переклад, слов'янські мови, складні слова (композити).

The article describes the composite words in the A. Pushkin's novel «Eugene Onegin» and in Ukrainian translation which is made by M. Rylskiy; gives a characterization of their semantic and derivational structure. The basic techniques and methods for translate those words into Ukrainian language are classified. Many examples show the mastery of Rylskiy-translator, especially on the lexical level.

Key words: translate, translation, Slavonic languages, composite words.

Одержано 15.02.2013.